

Маша Нестерка

У девочек были свои секреты

У Леры со Светой были свои секреты. Они обсуждались вечером, когда девочки отправлялись к умывальникам, захватив с собой зубную пасту, мыло и по два полотенца.

Они старались пойти попозже, когда все уже возвращались в палаты. Шли в самый дальний угол длинной трубы, из которой через маленькие отверстия тонкими струйками лилась вода, садились на скамейку и начинали очень медленно мыть ноги. Вода была холодной, и поначалу от нее захватывало дух.

Но это ничего, привыкнуть можно. Главное — здесь можно было поговорить.

— Ну, что, вы встречались во время тихого часа?

— Да...

— Ну! Дальше! Что он говорил? Зачем записку передавал?

— Знаешь, я пока ничего не поняла. Пришел Железяка и сказал, что мы уже заработали 20 приседаний.

— Вот гад! Так когда?

— После отбоя.

— Ух, ты! Как же это? Как ты выйдешь?..

Вчера во время ужина Вовка передал Свете записку, где назначал встречу во время тихого часа за левым туалетом. Вот была у него такая страсть — если встречаться — то в неположенное время и в неположенном месте. Тихий час — шутка ли! Нельзя из палаты выходить, да и в палате нельзя было разговаривать — спать всем! Некоторые вожатые проверяли даже, закрыты ли глаза у их подопечных.

А так как на территории пионерского лагеря в это время не покажешься — то лучше встретиться за туалетами — чего уж там! Семь бед — один ответ.

И сегодня вот — назначил встречу после отбоя, что само по себе сулило неприятности...

Пляшущие человечки

Каждый год в пионерский лагерь имени Кирова приезжали почти всегда одни и те же ребята, потому что родители их работали на одном заводе — лагерь был заводской. Так и случилось, что образовались группки из мальчишек и девчонок одного возраста, и попадали они в один отряд. Когда были совсем маленькими — в последний, который обычно назывался «Солнышко».

И вот в этом году они стали «туристами». Первый, самый старший отряд всегда назывался

«Турист», почему — никто не знал. Традиция такая. И девиз всегда была один и тот же, и речевка. Тут и думать не надо — «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!».

Линейку они оформляли вместе — Лера, Света, Вовка, Славка и еще пару друзей — с удовольствием и гордостью, осознавая, что они теперь — самые главные в лагере. На большой клумбе-полусфере из разноцветных стеклышек, оранжевого кирпича, желтого песка и торфа рисовали солнце, небо и туристов, шагающих по тропинке с рюкзаками.

Туристы были похожи на пляшущих человечков из рассказа Конан Дойля про Шерлока Холмса. Руки и ноги — тонкие и угловатые, головы — как носатые заварники для чая. Неважно. Теперь они — хозяева лагеря, эти «заварники», и никто из приехавшей мелюзги не посмеет им перечить.

Девочки прошлись по белой дорожке линейки — принесенный откуда — то из случайно обнаруженной стройки мелкий светлый гравий.

— Так что он тебе говорил? Дословно можешь передать?

— Зачем? Ну... «привет» сказал. И о том, что в субботу будет «Огонек». — Света замолчала.

— Все? И все?!

Подруга только пожала плечами. Было что — то такое, о чем она не хотела говорить.

Настроение у девочек было непонятное...

Это была самая первая смена. Начало лета! Столько всего впереди — праздники, костры, танцы в столовой, когда столы составлялись в один угол, на одном из них устанавливался проигрыватель, включалась музыка, а посередине зала можно было выплясывать шейк. И еще были «огоньки» совместно с другими лагерями.

О! Тут уже — знакомства, интриги, потом — встречи на «нейтральной территории», так сказать. В общем, впереди — все лето. В конце каждой смены — сюрпризы и сладкие подарки, и, самое прекрасное, что только может быть, — ночь после костра и встреча рассвета. Именно в эту ночь принято было делать признания в дружбе и любви, давать клятвы. Очень порядочные советские школьники верили в светлые чувства. А как в них было не верить? Зачем тогда жить?

И еще. В предпоследнюю ночь мазались пастой. Это был секрет, известный всем.

Вроде бы ложились спать, но загадочно переглядывались. Потом прислушивались, и когда все засыпали, тихонько прокрадывались в палату мальчиков. С собой брали необходимый арсенал — зубную пасту. Тюбики бережно прятались в карманы — как гранаты. Потом извлекались оттуда и пускались в ход. Здесь девчонки «отрывались по полной», вспоминали, кто из мальчишек не так

посмотрел, кто сказал чего не так. Ох, и доставалось некоторым!

И неважно, какая палата проделывала это первой, потом другие отыгрывались. Пробуждение было ужасным, девчонки вопили, вычесывая белые комочки из длинных волос, мальчишки были похожи на малолетних ковбоев, сбривших усы — паста частенько попадалась мятная. Над губами у них оставались красные полосы — девочки старались мазать именно под носами.

Лера и Света

В это лето Лера ждала Свету с особым чувством — трепетом и радостью наполовину с тоской. Она знала, отчего это — лето было последним, и когда оно закончится, уже не будет ничего — ни смен, ни разговоров, ни компаний, ни секретов. Света навсегда уезжала с родителями из Минска — жить к бабушке в Симферополь, и у них не было планов отправлять ее в лагерь после девятого класса.

Уже половина ребят в первом отряде — комсомольцы. Совсем не дети, им уже в институты поступать. Сама Лера твердо решила — в университет! На филологический, куда же еще? Прочитаны все книги по программе и много таких, которые прятались ночью под подушку. «Мастера и

Маргариту», например, она добыла только на одну ночь — потертый самиздат, распечатанный на древней «Украине».

Роман Лера теперь перескажет в подробностях своей подруге, и на это уйдет не один вечер. Света ведь наверняка еще не знает ничего про запрещенного Булгакова.

Света... Это светловолосое нежное создание, эта милая и загадочная девочка с отзывчивой душой, была единственным настоящим другом, который выслушивал все ее рассказы и принимал все ее странности — замкнутость, упрямство, отчаянность.

Например, когда Лера однажды решила прыгнуть с крыши детсадовской столовой (на спор), Света забеспокоилась, но отговаривать не стала, а поздним вечером пошла с ней и терпеливо ждала, когда подруга решится, наконец. Свете Лера запретила прыгать даже за компанию — мало ли что может случиться...

Во время прыжка Слава стоял на горке, таковы были условия. Мальчик Слава из их отряда стоял и смотрел, как она летела вниз. И не подходил ближе, — наверное, чтобы никто не подумал, что он причастен к этому прыжку. Вот сам трусом и оказался.

Прыжок был вымучен и выстрадан, жалость к себе убита наповал. Напряженные до дрожи ноги,

наконец, оторвались от крыши, и Лера полетела. И запомнила эти две секунды полета, и теперь думала о них с гордостью — всем стало ясно, что она не трусиха.

Потом они со Светой валялись на траве и хохотали, радуясь этой детской победе, и передразнивали Славку, который обозвал Леру «трусихой». Подумаешь, не пошла с ним змей ловить, ей просто было жалко этих змей. Зато вон как прыгнула, вон с какой высоты!

Вожак стаи

В этот год им попался на редкость пакостный воспитатель, видимо, начальство решило, что с такими взрослыми детьми справится только такой. Они сразу окрестили его «Железякой», потому что за малейшую провинность он назначал физические упражнения сверх меры и называл это безобразие — «железное балеро».

Это была настоящая пытка. Шепчешься во время тихого часа — десять приседаний, опоздал на зарядку — двадцать приседаний, опоздал на вечернюю линейку — пятьдесят приседаний! Про остальные провинности даже вспоминать было страшно, потому что приходилось и стоять по часу, и бегать вокруг стадиона.

Вожатый был загорелым, стройным детиной

лет 30. Он редко улыбался и мало говорил. Зато готовил отряд к смотру строя, песни и речевки с искусством полководца Суворова, и после отбоя у него все дети спали.

Прошло всего несколько дней, а компания уже поняла, что с Железякой надо быть осторожней. Поэтому, когда Света рассказала Лере, что он застукал их с Вовкой, та даже зажмурилась. И твердо решила, что в конце смены обязательно намажет пастой этого мерзавца, он ведь уже не сможет наказать ее, смена — то закончится.

Вовка со Славкой считались у девочек настоящими друзьями, лет пять были вместе, на каждой смене в одном отряде. Как только обнаружилось это недоразумение — изверг-вожатый — все впятером собрались в ближайшей беседке и обсудили ситуацию.

Славка сказал:

— Давайте ему пургена в компот подсыпшем!

Сначала хихикнула Мила, которая неведомо как оказалась в их компании, а потом захохотали и все остальные. Пурген пользовался в пионерском лагере особой популярностью, был незаменимым орудием мести. Чуть кто кому насолит (или в прямом смысле — насыплет соли в чай, например) — не избежать ему пытки пургеном. Смешно и безобидно.

— Представляю, как Железяка будет в тубзик

бегать, растеряет всю свою железную волю...

— Какая у него железная воля? Фи! Молодец против овец! Так бабушка моя говорит, — скривилась Мила, подмигивая Славке.

Вова сидел на перильцах беседки и, болтая ногами, разумно предложил:

— А давайте не будем лезть на рожон и поначалу присмотримся.

— А потом? А если он будет всю смену так? — спросила Света.

Она смотрела на него, не мигая, он поглядел на нее серьезно и вопросительно, как будто хотел что-то еще сказать, но вынужден сказать совсем не то.

— А потом — устроим ему сами железное балеро!

Ребята загалдели все сразу.

— Ну что ты ему сделаешь?

— Он же гад! Он будет назло нас пасти!

Вова подождал, пока снова наступила тишина, а потом сказал — как отрезал:

— Пожалуемся начальнику лагеря!

— А и правда, Железяка не имеет права так издеваться над детьми!

На том и порешили.

Да, Вовка, несомненно, был главным, был вожаком в их маленькой стае. Уже не раз было доказано, что лучше слушать и делать так, как он

говорит. Когда год назад в отряде обнаружился шпион-доносчик, Вовка придумал разыграть спектакль. После отбоя в каждой из трех палат было под большим секретом предложено разжечь костер и печь в нем картошку.

В назначенное время доносчик шел к домику вожатых, за углом которого его уже поджидали Слава и Вовка. Ох, и досталось предателю!..

Куда уходит детство

Тем более Лера удивилась, что Вовка назначил Свете встречу во время тихого часа, а теперь — и вовсе после отбоя. Странно.

За умывальниками трещали, как сумасшедшие, цикады. Теплый воздух и эти цикады, и шум тополиной листвы еще в белом пухе, и запах каких-то цветов — все это напоминало о том, что лето только начинается, и что все еще впереди. Лера горящими глазами смотрела на Светино озадаченное лицо.

— Все проще простого. Вовка хотел с тобой посоветоваться, что делать с Железякой.

— Да ну, ты что?..

Обе понимали, что это не так. Если бы дело было в вожатом, Вовка собрал бы всех. Тут что-то не то. А вернее, то самое. Лера ведь давно замечала, как он смотрит на ее подругу. Было непривычно, и

даже немного страшно. Ведь столько лет дружили. И вот, на тебе!

— Ладно, Свет, Вовка в тебя влюбился, не понимаешь, что ли?

— Ага, и, кажется, давно.

— А ты? Как ты?

— Ну, что я... Он мне, конечно, нравится.

— И? Может, вы уже целовались?

— Ты что?!

— А что тут такого? Мы же не маленькие уже.

Подруги притихли, каждая думая о своем. Света, наверное, о Вовке, Лера — о Свете. Ну что ж это такое? Если они начнут встречаться по-настоящему, что будет делать она, Лера?! А Света была серьезной, очень серьезной девочкой. Если уж она согласится на этот «лагерный роман», то все свободное время она будет посвящать Вовке, самому умному мальчику в лагере, вожаку стаи.

Останется просто смотреть на них, наблюдать и ждать встречи со Светой. Вот интересно... Лера видела, как задумчивы глаза Светы под толстыми стеклами очков. Слепуха...

Ну, вот чем хороша? Чем она так нравилась ему? Светловолосая, невзрачная, и такая беззащитная... Нашел бы себе красавицу какую-нибудь...

Раздался звук горна. Все, пора спать. По дороге в отряд девочки молчали, только Лера взяла

Свету за руку и пожала ее, как бы ободряя: не бойся, я с тобой.

Уже лежа в постели, вытащила из-под одеяла и протянула к ней руку, Света взяла ее. Рука была холодной и какой-то вялой, уставшей. Лере так захотелось погладить ее, прижать к своему лицу, и она погладила, и прижала...

Несмотря на жаркий июнь, палаты были еще сырыми и пахли краской. Постели — холодными, простыни казались влажными и колючими от крахмала.

Девочки разобрали постели и улеглись — их кровати были, конечно, рядом. Так было всегда — кто из них первый входил в палату, появляясь в лагере, сразу занимал две стоящие рядом кровати.

Еще в прошлом году, готовясь ко сну, они снимали со стоящих пирамидками подушек шелковые галстуки и аккуратно вешали их на спинки кроватей. Галстуки были святыней, чем-то таким, которое нельзя потерять. Ими можно было только поменяться — в знак самой крепкой дружбы.

А несколько лет назад вообще все было совсем по-другому. Галстуков не было, были октябратские звездочки — у кого какие. У Леры была обыкновенная, из желтого металла, лучи красные, в середине кружочек с изображением Володи Ульянова.